

Доклад на Международной научной конференции
“Дни франко-российских исследований. Речь и тексты:
тенденции, истоки, перспективы”.

Паронимическая аттракция как выразительное средство языка

Лингвистическое научное толкование явления паронимической аттракции, или паронимии принадлежит выдающемуся русскому лингвисту Р. О. Jakobsonу. Определяя в своей знаменитой работе «Лингвистика и поэтика» функциональные характеристики языка, Jakobson впервые обратил внимание на коммуникативную важность не только трёх, исследованных Карлом Бюллером основных языковых функций: референтивной, опирающейся на контекст, эмотивной, связанной с адресантом, конотативной, ориентированной на адресата, но и особой функции, детерминирующей сообщение в целом - поэтической функции языка.

Эта функция, по справедливому мнению Jakobsonа, в первую очередь, проявляется в поэтическом языке, который понимался Jakobsonом достаточно широко: не только, хотя и, в первую очередь, как язык поэзии, но и как все те проявления языка, в которых его выразительность оказывается необходимым требованием.

Основными свойствами поэтического языка, указывал, Р. Jakobson, являются свойства параллелизма и уподобления, которые и порождают приём паронимической аттракции: «В последовательности, где сходство накладывается на смежность, две сходные последовательности фонем, стоящие рядом друг с другом, имеют тенденцию к приобретению паронимической функции. Слова, сходные по звучанию, сближаются и по значению.»¹.

Развивая идеи Jakobsonа, В.П. Григорьев в своей замечательной «Поэтике слова» показал, что паронимический эффект, «эффект обманутого ожидания» (

¹ Jakobson Р. О. Лингвистика и поэтика. // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С 44.

по Якобсону) может быть построен не только на принципе близости, но и на принципе противопоставленности паронимов.

Сравните:

Но жизнь твоя — она ведь не житье.

Она из тех, что звали житие²

Паронимический эффект основан на семантическом сближении паронимов.

: «... они прошли всем чередом, шумя и толкаясь, в столовую по уже известному, но еще неизвестному коридору...»³,

Паронимический эффект основан на семантической противопоставленности паронимов.

Прослеживая материал паронимической аттракции от её истоков в классической поэзии («на лоне лени», «очей очарование» А. С. Пушкина) до паронимического взрыва в русской поэзии XX в. («голос-Логос» Л. Мартынова, «голубая глубина» А. Платонова, «ностальгия по настоящему» А. Вознесенского), ученый предлагает типологию паронимии, которая находит успешные применения и при анализе французского паронимического материала:

1. **Вокалический** тип (самый распространенный в русском языке), русск. *бабий платок и пилотка солдата* (Твардовский) франц. «*Bazar, Balzac, Bazaine! Bizarre, Beaux-Arts, Baisers!*» (Ionesco)
2. **Метатетический** тип (самый распространенный во французском языке), русск. *ворчали овчарки* (Пастернак) франц. «*Martyr — c'est pourrir un peu.*» (Prévert) (*Partir — c'est mourir un peu.*)
«*La roseur de la légion d'honnête*» (Léon-Paul Fargue) (*La rosette de la légion d'honneur*)
«*Jean Sol Partre*» (Boris Vian) (*Jean-Paul Sartre*)
3. **Эпентетический** тип.
русск. «*Пощадят ли площади меня?*» (Пастернак)
франц. «*Je n'ai pas très bien compris votre histoire. à la fin, quand on arrive à la grand-mère du prêtre, on s'empêtre*» (Ionesco)
4. **Консонантный** тип.
русск. «*Несли не хоронить —
несли короновать*» (А. Вознесенский)

² И. Снегова. «Подруге». — День Поэзии, 1966, стр. 135.

³ Б. Пастернак. Детство Люверс. — В сб.: Б. Пастернак. «Избранное», М. 1985. т. 2. С. 39.

франц. *“Ai-je seulement commis un de ses rapides chasse-mouches qui m’attiraient toujours cette remarque indignée: Mais c’est un singe de croix que vous faites là”* (Bazin) (*signe de croix*)

5. Аугментативный тип.

русск. *скандалы точно кандалы* (А. Вознесенский)

франц. *mousse — frimousse* (Prévert)

В. П. Григорьев рассматривает паронимическую аттракцию как автономное явление поэтического языка, и поэтому для паронимии оказываются несущественными, как это следует из определения, деривационные связи, характерные для общенормированного языка. Развивая данное положение, В. П. Григорьев указывает на то, что паронимическая аттракция или парономазия основывается на квазиоснове или квазиморфеме, которая “чаще всего неопределима как относящаяся к конкретной части речи”⁴. Мотивировка этой морфемы носит особый “поэтико-этимологический” характер и представляет собой “частичный случай некоторого “звуко-буквенного” и смыслового “внутреннего склонения” квазикорня”⁵ Исследования паронимической аттракции в работах В. П. Григорьева знаменует собой определенный этап в изучении данного явления. Паронимическая аттракция впервые рассматривается в рамках поэтического языка с присущими ему и только ему закономерностями и характеристиками.

Но не только в поэтическом языке наблюдается использование приёма паронимической аттракции

Парономазия, или смысловое сближение слов с подобным звучанием – широко распространённый стилистический приём в разнообразных дискурсивных сферах.

Это могут быть лаконичные речевые формы: пословицы, поговорки, афоризмы и т.д.:

Urbi et orbi ; Dum spiro spero;

Qui s’excuse, s’accuse; Qui se ressemble s’assemble;

Много званых, да мало избранных ; Скорость не спорость.

Заметим, что есть пословицы, тождественные по смыслу и паронимичные в обоих языках:

L’homme propose et Dieu dispose. – Человек полагает, а Бог располагает.

Реклама:

Vittel vous aide à retrouver la vitalité qui est en vous

С’est par qui? С’est Parker.

Jex four, c’est jextraordinaire.

⁴ В. П. Григорьев. Поэтика слова. стр. 274.

⁵ Там же. С. 275.

Шармэль, с'est charmant.

Сатира:

Верёвка – вервие простое. (Хемницер)

Лопата – лопатус; грабли-граблиус (Гоголь)⁶

Просто шутки:

Толстой бежал в опрощение, а я – в упрощение (Ю.Олеша)

: Прохвостово ложе (Ильф и Петров)

На каждого заведующего есть свой завидующий. (Эмиль Кроткий)

Паронимический, или парономастический механизм заложен во всех риторических фигурах, которые построены на игре сходных звуков.

При этом в одних риторических фигурах парономастический эффект обязателен, потому что он вытекает из самого композиционного принципа построения данной фигуры. В других риторических фигурах, которые условно можно назвать факультативно парономастическими, парономастический эффект будет проявляться только в отдельных контекстах.

Поясню сказанное на примерах, заимствованных по большей части из книг по риторике Э.М.Береговской⁷.

Парономастическими риторическими фигурами можно считать помимо непосредственно парономазии, анаграмму, акрофоническую перестановку (*contrepèterie*), гомеотефт (повторение финальной части слова); деривационный повтор (*répétition partielle*) и хиазм как приёмы паронимической аттракции на синтаксическом уровне

Так, если анаграмма и контрепетрия, как известно, строятся на перестановках отдельных звуков или фрагментов слова, может быть, даже сегментов фразы, то при этом обязательно происходит сопоставление (параллелизм по Якобсону) и сближение, по меньшей мере, тех самых переставляемых звуков или фрагментов, которое сопровождается паронимическим, *en l'occurrence*, риторическим эффектом.

Анаграмма:

Marie qui voudrait votre nom retourner

Il trouverait AIMER, aimez-moi donc, Marie.

Pierre Ronsard

Контрепетрия:

Max Ernst : La boule rouge bouge et roule.

Robert Desnos

Если при гомеотефте постоянно повторяется финальная часть слова, а при частичном повторе, модифицируется вся конструкция при обязательном

⁶ См. В этой связи комментарий Норы Галь в её книге «Живое и мёртвое». М. 2011, С. 123.

⁷ Большинство иллюстративных примеров взяты из книги Э.М. Береговской и Ж-М. Верже «Занимательная риторика», М. 2000.

сохранении какой-либо отдельной части, то при этом возникает паронимический эффект.

Гомеотелефт:

Холодно. Вольно. Бесстрашно.

Ветрено. Холодно. Больно.

Льётся рассветное брашно.

Я отстрадал – и довольно!

Давид Самойлов

Деривационный повтор у того же Давида Самойлова

Хочется мирного мира

И счастливого счастья

Чтобы ничто не томило,

Чтобы грустилось не часто.

Что же касается фигуры хиазма, то паронимический эффект данной риторической фигуры возникает уже не на основе семантического сближения, а на основе семантической противопоставленности паронимов. Сравните в этой связи замечательные афоризмы Фаины Раневской на русском языке и Жака Превера – на французском:

Удивительно! Когда мне было 20 лет, я думала только о любви.

Теперь же я люблю, только думать.

Фаина Раневская

- *Quand la vérité n'est pas libre, la liberté n'est pas vraie.*

Jacques Prévert

В других же риторических фигурах, не основанных на смежности сходных звуков, паронимический эффект может возникнуть только в определённых контекстах.

Так, например, паронимический эффект может сопровождать аллитерацию, и это происходит достаточно часто, или ассонанс.

Сравните у Превера:

La pipe au papa du pape Pie pie

Trois allumettes une à une allumées dans la nuit

Паронимическое свойство часто проявляется в таких фигурах, как каламбур (он может быть просто построен на паронимической аттракции – сравните известный каламбур, приводимый З.Фрейдом – Он ехал со мной tête à bête). Паронимическая аттракция может сопровождать построение анафоры, ономастопеи, логогрифа (постепенное убывание букв первого слова), таутограмма (текст, все слова которого начинаются с одной и той же буквы).

Но не только в поэтике, стилистике и риторике, т.е. в языковых сферах, непосредственно связанных с поэтической функцией языка и, соответственно, с его выразительностью, наблюдается проявление паронимической аттракции,

или паронимии. Семантическое уподобление сходных по форме единиц находит своё отражение во фразеологии и в неологии.

Исходя из французской лингвистической традиции, представленной в известных трудах Ш.Балли, П.Гиро, А. Рея и в трудах отечественных лингвистов, занимающихся изучением французского фразеологического материала, таких как Я.И.Рецкер, В.Г.Гак, А.Г.Назарян, Л.А.Мурадова, фразеологизм определяется (французский термин *locution*) как раздельноформленная единица (*groupe de mots*), характеризующаяся полным или частичным семантическим преобразованием, т.е. переосмыслением компонентов и наличием между ними определённой смысловой зависимости. Изменение семантики составляющих компонентов может привести к тому, что фразеологизм начинает функционировать в речи идентично отдельному слову. В других случаях при частичном или полном семантическом изменении компонентов фразеологизм переосмысляет, как правило, метафорически, содержание определённой фразы. К первому типу фразеологизмов относятся такие русские выражения как *бить баклуши* = *лениться* или *у чёрта на рогах* = *далеко* и французские *prendre part* = *participer*, *en prendre son parti* = *se résigner*. Ко второму типу фразеологизмов относятся, например, русский *ждать у моря погоды* = *находиться в ожидании чего-то весьма неопределённого* и французский *en avoir le coeur net* = *en être assuré*.

При образовании устойчивых фразеологических словосочетаний может происходить не только изменение семантики компонентов, но и трансформация их формы под влиянием сближения или смешения с фонетически сходными языковыми формами. На основе подобных паронимических аттракций, т.е. аттракций сходных фонетических форм в момент формирования фразеологизма и как результат таких скрещений возникают паронимические фразеологизмы, этимологический анализ которых позволяет установить их паронимические связи, прослеживаемые в диахронии.

Об этом писал, например, Пьер Гиро: “Quant aux locutions vraiment originales et appartenant en propre à une langue, on montrera plus loin qu’elles sont généralement le résultat de croisements de formes, de fausses motivations ou de jeux de mots”⁸

Так, например, паронимическая контаминация лежит в основе образования русского фразеологического словосочетания *дело табак*. Имеется в виду паронимическое видоизменение персидского слова *теббах* ‘дрянь’ — *дело дрянь*.

Устойчивое выражение *подлинная правда*, происхождение которого может быть установлено, по мнению Эдуарда Вартастьяна, только историком языка,

⁸ P. Guiraud. Les locutions françaises. Que sais-je? P., 1973, № 903., p.18.

относится к метонимической паронимии в диахронии. Эту “подлинную правду” вырывали у подсудимого в Древней Руси, избивая его “подлинниками”, просмоленными кнутами, к концам которых привязывались кусочки свинца⁹.

Во французском языке паронимическое смешение при образовании устойчивых сочетаний и выражений имеет также весьма распространенный характер.

Фразеологическое выражение *avoir des yeux de Lyncée* ‘иметь зрение, как у аргонавта Линкея’ под влиянием паронимической аттракции приняло форму *avoir des yeux de lynx* ‘иметь зрение, как у рыси’. Общее для обеих форм фразеологизмов значение — ‘иметь очень хорошее зрение’.

Паронимическая аттракция оказала влияние и на формирование фразеологического выражения *prendre ou emporter ses cliques et ses claques* ‘забрать свой скарб, свои манатки’. В образовании этого фразеологизма, по мнению М. Ра, существенное значение имела игра на паронимических звукоподражаниях *clac! clac!*, имитирующих шум, который производит шлепанье мокрой обуви по мостовой¹⁰.

Паронимическая аттракция находит своё применение и как один из важнейших приёмов словообразования, формируя процессы паронимической композиции, или шире паронимической неологии.

Примером паронимического образования по аналогии служит, например, созданное Шатобрианом слово *matric*, механизм образования которого раскрывается в самом неологическом контексте: «[...] *la France, ma patrie; qu’aurais-je donc pensé du ciel de la Bretagne, ma matric, pour parler grec?*». (Chateaubriand. *Memoires d’outre-tombe*. MR-DMS, 209)¹¹.

Как правило, паронимические неологизмы имеют минимальное отличие от слов-источников, что необходимо для усиления паронимического эффекта узнавания:

“Vous parlez admirablement le français”, “lui disait Mme N. Alors il prenait un temps, puis, doucement, avec un air modeste: “Oh! Madame, je ne parle pas... je balbute. (balbuter//balbutier) (A. Gide. Journal.)

Паронимической деривацией следует считать такой вид деривации, когда созданное по типологическим словообразовательным моделям языка новообразование становится паронимом либо к своему опорному компоненту,

⁹ Вартаньян Э.А. Из жизни слов. М., 2009.

¹⁰ M. Rat. *Dictionnaire des locutions françaises*. R., 1957, p. 184.

¹¹ Этот и многие другие примеры паронимической окказиональной композиции заимствованы из словарей Мориса Рэймса. Maurice Rheims. *Les mots Sauvages. Dictionnaire des mots inconnus des dictionnaires*. P. Larousse. 1969, 1989. — В дальнейшем — MR-DMS. указание страниц дается по второму изданию.

либо к уже существующему в норме словообразовательному дублету. При этом поскольку паронимами могут быть только слова, принадлежащие к одной части речи или по транспозиции способные к употреблению в тождественных синтаксических позициях, то именно такое положение должно иметь место при паронимической деривации.

Примерами префиксальных паронимических дериватов могут служить авторские неологизмы Одиберти и Гуисманса: *abstyle* и *insens*. Примерами суффиксальных паронимических дериватов являются такие неологизмы как: *amourerie* (Céline), *riennerie* (Claudel), *peuplage* (Vian), *néantiste* (Montherlant) ит.д.

Наиболее «паронимичным» из всех видов паронимической или интерференционной неологии является создание телескопных слов, самый распространенный и самый продуктивный способ паронимического словообразования.

humanimalité n. f. = *humanité* n. f. + *animalité* n. f.

(Etiemble)

principice n. m. = *principe* n. m. + *précipice* n. m.

(Ionesco)

achiennemen n. m. = *acharnement* n. m. + *chien* n. m.

(Audiberti)

a / char / nement — ожесточение

/ chien / — собака

a / chien / nement — собачье ожесточение,
собачья озлобленность
(ср. *злой как собака*)

Телескопия, как это видно из примеров, — это паронимический способ словосложения, который заключается в том, что телескопное слово образуется путем наложения или вклинивания одного из исходных компонентов в другой, тем самым лексический результат этого действия оказывается паронимом к каждому из его составляющих.

Распространённость и многообразие паронимической аттракции, или паронимазии в различных дискурсивных сферах связаны с тем фактом, что данное явление оказывается по своей лингвистической природе одним из трёх составляющих процесса **лексической интерференции**, который автором данного доклада понимается как двустороннее (в плане выражения и в плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков,

обусловленное их фонетическим сходством и проистекающим из него семантическим уподоблением (при паронимической аттракции и семантическим противопоставлением), которое приводит к произвольному (ошибочному) или произвольному (стилистическому) нарушению языковой нормы.

Это явление предлагается определить как *лексическую интерференцию*, исходя из внутренней формы латинского термина: *inter* ‘между’ и *ferire* ‘ударять’, т. е. взаимоударение, взаимопроникновение похожих слов. При этом истоком данного взаимопроникновения следует считать парномастическую функцию языка. Конкретными составляющими лексической интерференции на основании приведенного выше определения оказываются такие лексические феномены как: паронимия внутри языка, «ложные друзья переводчика», или лексическая интерференция в традиционном понимании этого термина в теории языковых контактов, паронимическая аттракция, или парномазия как особый экспрессивный приём. Возникает вопрос, почему общим названием для всех этих явлений предлагается термин *интерференция*, а не *паронимия*, который фигурирует неоднократно для обозначения входящих в него частей. Это связано с тем, что термины *паронимия* и *парномазия* определяют изучаемое явление с номинативной стороны, а интерференция выявляет сущность данного явления как лексического процесса с его функциональной стороны.

Наблюдения над интерференционными явлениями в одном и в контактных языках, а также анализ приемов паронимической аттракции позволили выделить основные функциональные компоненты интерференционного процесса во всех его разновидностях.

Первым функциональным компонентом (1) интерференционного процесса, отмеченным уже З. Фрейдом, является *конденсация*, или стягивание текста или парномастического контекста, необходимая и достаточная для возникновения ошибки или парномастической фигуры.

Конденсация как неперемное условие интерференционного процесса может происходить как в синтагматике, так и в парадигматике. Конденсацию по линии синтагматики легко продемонстрировать на любом примере интерференционной неологии. Сравните знаменитый композит Г. Гейне, приводимый Фрейдом, когда поэт описывает манеру держаться миллионера Ротшильда как *famillionnaire* от *familière* и, соответственно, *millionnaire*.

Без конденсации, или стяжения текста, комический эффект не имел бы места. Действительно, при пространном описании, типа «*Ротшильд держался просто, фамильярно, как и подобает (или не подобает) миллионеру*» каламбур бы не возник.

(2) Вторым функциональным компонентом интерференционного процесса является *репродукция*, или использование одного и того же материала. Характерным примером в русском языке может служить услышанное однажды

автором данной работы объявление: «Командировочные (вместо командированные) могут получить командировочные удостоверения в комнате № 5». Удачной иллюстрацией этого свойства интерференции служит также знаменитый пример Фрейда, манифестирующий словесный поединок между Наполеоном Бонапартом и одной итальянской дамой: «*Tutti gli Italiani danzano si male,*» — заметил, якобы, однажды великий полководец и получил в ответ: «*Non tutti, ma buona parte*».

Интерференционный процесс характеризуется также обязательным возникновением **двойного смысла (3), нарушением языковой нормы (4) и эффектом неожиданности (5).**

Двойной смысл при произвольных смешениях складывается из требуемого нормой правильного и возникшего в результате ошибки неправильного смыслов, в этом столкновении и обнаруживается нарушение коммуникативной нормы.

Возникновение двойного смысла при паронимической аттракции происходит по-другому. Звуковая близость и при этимологической и при окказиональной паронимии подвигает воспринимающего на поиски семантической близости между аттрактантами. Приравнивание формальных и семантических эквивалентностей создает особое паронимическое «ассоциативное поле». В этом новом ассоциативном поле проявляется новый, дополнительный, вторичный смысл сближаемых слов. Сравните в этой связи аффективное поле «уменьшительности» у Марины Цветаевой: «*Всё у неё было уменьшительное, умалительное, умолительное, умилительное...*» (Повесть о Сонечке).

Вторичный смысл, возникающий благодаря приему паронимической аттракции, может порождать совершенно неожиданные семантические параллели. Обратимся в этой связи к замечательному стихотворению Жака Превера «Être ange», целиком построенному на паронимической игре.

Etre ange
C'est étrange
Dit l'ange
Etre âne
C'est étrâne
Dit l'âne
Cela ne veut rien dire
Dit l'ange en haussant les ailes
Pourtant
Si étrange veut dire quelque chose
Etrâne est plus étrange qu'étrange
Dit l'âne
Etrange est

*Dit l'ange en tapant des pieds
Étranger vous-même
Dit l'âne
Et il s'envole.*

(J. Prévert. Fatras)

Поэт создает паронимическую цепочку нарочитым сближением целой серии паронимов, в основе которых неологизм *êtrâne* и прилагательное *étrange*: *êtrâne // étrange*. *Êtrâne* — «являющийся ослом» (*être âne*), но он же и «непохожий», «своеобразный», «особый» (*plus étrange qu'étrange*). *Étrange* — «странный», но и «являющийся ангелом» (*être ange*). *Êtrange* — «являющийся ангелом» существует в реальности, но в небо взлетает носитель другого эпитета *êtrâne*, неожиданного, парономастического.

Прием паронимической аттракции видоизменяет привычную литературную норму в целях создания стилистического образа. Это видоизменение нормы в известном смысле можно считать и её нарушением

Во всех проявлениях интерференционного смешения также всегда наличествует эффект неожиданности. Приведем в этой связи только один, но замечательный пример создания эффекта неожиданности «способом от противного», через обыгрывание шаблона, у великого русского поэта:

*И вот трещат морозы
И серебрится средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы “розы”;
На, вот возьми ее скорей.)*

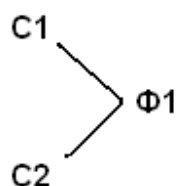
(Евгений Онегин. Гл. 4, XLII)

В заключение хотелось бы сказать, что приведение в действие механизма описанного выше явления паронимической аттракции, равно как и механизма всех интерференционных процессов в языке, связанных с ошибочным смешением (паронимия и диапаронимия) или намеренным соположением сходных форм (паронимическая аттракция) оказывается возможным благодаря самой семиотической природе языкового знака. Вспомним в этой связи классическую работу С.О.Карцевского¹²

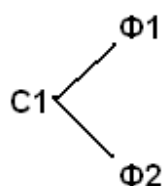
Знаковая асимметрия выражается в том, что совпадение двух знаков в плане выражения приводит, в терминах С.О.Карцевского, к омофонии (омонимии), совпадение их в плане содержания — к изосемии (синонимии).

¹¹ Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. // Из лингвистического наследия. Том 2, М., 2004.

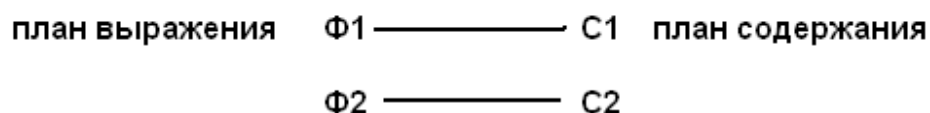
ОМОФОНИЯ

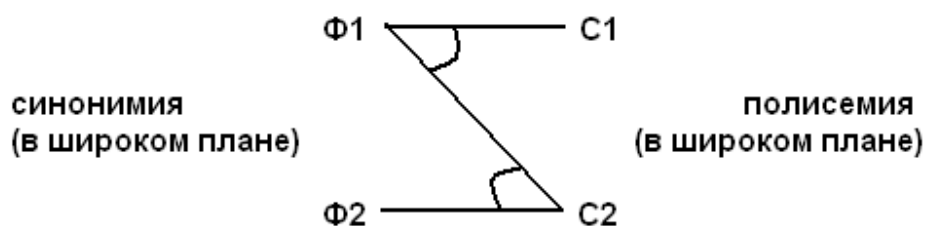
ИЗОСЕМИЯ

Развивая положение Карцевского, В.Г.Гак подчеркивал в своих работах различие между симметрией и асимметрией формы и содержания. При симметрии содержания и выражения между единицами плана содержания и плана выражения возникают взаимно-однозначные отношения¹³:

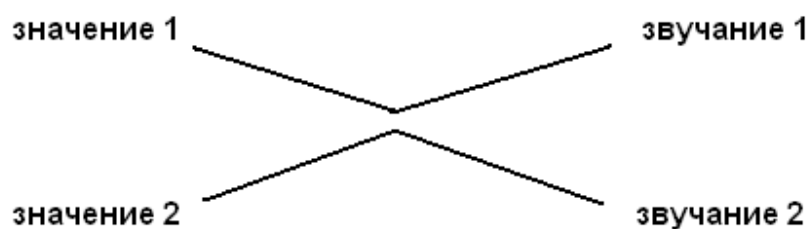
При нарушении симметрии в парадигматическом плане возникают два типа асимметрии — полисемия и синонимия:

Развивая положение С.О.Карцевского по отношению к феномену лексической интерференции, следует отметить, что разветвление означаемого и означающего может не достигать своих пределов. Сходство формы и содержания приближает два знака друг к другу, но не до полного совпадения. На этом этапе и возникает лексическая интерференция.

¹³ Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

ПАРОФОНΙΑ, или ПАРОСЕМІЯ

Таким образом, лексическое смешение, или лексическая интерференция во всех трех ее проявлениях (паронимия, диапаронимия, паронимазия) связана с **промежуточным** положением в скольжении означаемого и означающего по отношению друг к другу, когда обусловленные данным скольжением интерференционные единицы обладают семантическим и формальным подобием, но не достигают гипотетических крайних пределов, как бы останавливаются, не достигая точки слияния.